

"Неизвестный" Нужин

Хочется рассказать о "неизвестном" Нужине, о некоторых особенностях его натуры, чертах характера, которые известны только тем, кто был с ним достаточно хорошо знаком. Вот, скажем, интересная черта Михаила Тихоновича: несущественные, непринципиальные вопросы он старался выяснить, разрешить в узком кругу, не вынося на широкое обсуждение.

Однажды на заседании кафедры уважаемый заведующий высказал обиду: молодой сотрудник из другого института опубликовал работу, в которой использовал его метод без ссылки. Стали спорить, можно ли так делать, начали возмущаться: плагиат! - и чего только не говорили.

А Нужин сделал вот что. Рядом сидел его коллега, перед которым лежал коробок спичек. Михаил Тихонович взял этот коробок и спрашивает коллегу:

- Это ваше?

- Да,- отвечает тот.

Михаил Тихонович положил коробок в карман:

- Как это называется?

- Ну, это просто воровство,- не находит иного определения коллега.

- Вот и я так думаю,- соглашается Нужин.

На этом обсуждение закончилось, все сомнения развеялись, и разговоров об этом случае больше не возникало. Для нас, в то время молодых аспирантов, это был хороший урок.

Михаил Тихонович часто говаривал: "У меня мягкая оболочка, но железный стержень". И когда дело касалось принципиальных вопросов, которыми Михаил Тихонович не мог поступиться, сдвинуть его со своей точки зрения было невозможно.

Вот показательный случай. Готовилось большое собрание (обычно они регулярно проходили в актовом зале университета), посвящённое Ленинским дням. Михаил Тихонович сам подготовил доклад (а он всегда сам писал все доклады, только цифры иногда брал у кого-то). Доклад получился блестящий, как всегда, каждое слово было на месте. (И научные работы он писал

также тщательно, сейчас читаю их, думаю, что получше сказать - невозможно.) По существовавшему в то время порядку надо было этот доклад обсудить или получить согласие заведующего идеологическим отделом обкома КПСС. Михаил Тихонович отдал в обком свой доклад, а на следующий день получил его с множеством правок. Заведующим отделом обкома тогда назначили сравнительно молодого доцента, который счёл, видимо, что теперь он стал умнее всех, даже Нужина.

Михаил Тихонович страшно рассердился, но вида не подал. Вечером сел в поезд и уехал в Москву, в идеологический отдел Центрального Комитета КПСС. Не знаю, с Сусловым он встречался или с его заместителями, но кто-то оба эти доклада прочитал и на тексте Нужина написал: "К исполнению". А на другом: "Отклонить". Михаил Тихонович вернулся, пошёл опять в обком, к первому секретарю. Тот, естественно, сказал: "Конечно, ваш доклад в дело". И через два часа Михаил Тихонович уже сделал этот блестящий доклад.

Нужин попросил первого секретаря обкома отстранить заведующего идеологическим отделом от курирования университета. Тот согласился: "Хорошо, я буду сам курировать". А отстранённый обиделся на Михаила Тихоновича, и когда бывали выдвигания-продвижения, ещё что-нибудь, как мог препятствовал. Это закончилось отстранением Михаила Тихоновича от ректорства за три месяца до 175-летия университета.

Как-то несколько членов бюро обкома партии стали настаивать на обсуждении на бюро Михаила Тихоновича: он неправильно зачислял в университет спортсменов. А Нужин действительно это делал, но выбирал среди спортсменов тех, в ком видел перспективу и в науке, учёбе. Из зачисленных им спортсменов девять стали докторами наук.

Когда на бюро обкома решали, поставить ли этот вопрос на обсуждение, Михаил Тихонович сказал:

- Хорошо, я не возражаю, но позвольте прежде, чем мы начнем обсуждать этот вопрос, зачитать фамилии тех, кто меня просил о зачислении своих знакомых и родственников.

Вынул из кармана продолговатую записную книжку.

Воцарилась тишина.

- Да не надо обсуждать Михаила Тихоновича! Разве мы его не знаем? - сказал кто-то.

Первый секретарь спросил:

- Так будем или не будем?

- Нет, не будем!

Вопрос сняли с повестки дня.

Вот как было: порядочный человек стал ректором института, а вокруг - много людей, которые жили по другим законам. По законам блата, свой-чужой. А он хотел, чтобы в университете были умные и порядочные люди. От него же хотели, чтобы он брал не самых умных, но связанных с нужными людьми. И ректор от тех людей зависел. От секретаря обкома, от разных других.

Михаил Тихонович с этой зависимостью справлялся гениально. Как-то сажу в его кабинете на консультации. Заходит секретарша: "Михаил Тихонович, Хасанов". Одну только фамилию назвала. Звонит, значит, по телефону. А Мансур Хасанович Хасанов - это заместитель Председателя Совета Министров республики, он, кстати, учился при Михаиле Тихоновиче. И слышу, Хасанов просит Нужина в особом порядке зачислить кого-то в университет.

- Я рассмотрю этот вопрос, - соглашается Михаил Тихонович, - но прошу вас просьбу изложить мне в письменной форме.

Вопрос был решён. И сами понимаете, как.

Нужин был закалённым. Он прошёл Отечественную войну, был комиссаром полка, рос в селе. Поступил в авиационный институт, оттуда перевёлся в университет, потому что в КАИ его не допускали к секретным работам, так как один из его прадедов был священником. Блестяще учился, много общался с людьми. Он любил общаться с людьми, воспитывал их. Вдобавок был ещё очень остроумен.

То есть он такую школу прошёл и в силу природных данных настолько был умён, что не рубил с плеча, а умел найти подход к каждому человеку, указав ему на его недостатки. Михаил Тихонович был много лет председателем Совета ректоров города, его избирали в депутаты

Верховного Совета РСФСР. Он возглавлял Совет ректоров России. И не раз, а два или три раза его туда избирали. Представляете масштабы работы и гений его, талант общения с ректорами огромного количества университетов страны!

Как же мальчик из обычной бедной семьи вырос в большого учёного, за счёт чего? Время было такое или он был такой?

Думаю, главную роль в этом сыграли его личные качества, его талант. А ещё люди, в окружении которых он рос, с которых брал пример.

Михаил Тихонович выбрал своей специальностью механику. Он говорил, что механика - сплав математики со здравым смыслом. "Эту фразу, - сказал как-то Нужин, - можете выбить на моём памятнике". Это не то, что плюс-минус, тут действия арифметики не годятся. Механик должен обладать огромными знаниями по прикладной специальности, механика - самолёты, корабли и прочее. И в то же время механик должен иметь глубокое чисто математическое образование, чтобы использовать данные математики для решения этих сложнейших задач.

Ещё Михаил Тихонович был очень душевный человек. В День Победы он обычно приглашал домой к себе своих близких учеников с жёнами, бывали там я, Леонид Аксентьев, Расих Салимов - его первый аспирант. Сидели за накрытым столом, слушали воспоминания, Михаил Тихонович ставил пластинки, романсы Каревой - он очень любил. Дуэтом пели Козловская и Обухова.

Обязательно исполнялась наша замечательная песня "День Победы". Мы все вставали, у некоторых слёзы на глазах появлялись, и Нужин не был исключением. Даже после смерти Михаила Тихоновича мы ещё несколько десятков лет отмечали так День Победы, в память о нём. Собирались у Аксентьева, у нас.

На четвёртом курсе университета я писал курсовую работу у профессора Гумера Галеевича Тумашева. Потом пришло время подготовки дипломных работ. Когда их вывесили, все бросились разбирать темы, расхватывать. Я так не сделал, и когда подошёл, остались одна тема - по фильтрации. Это тоже гидродинамика, но совсем далёкая от авиации, которой я всю жизнь болел. И вот взял эту тему, смотрю: "руководитель - Нужин". Кто такой Нужин? Молодой ректор. С ним я не был знаком. Пришёл домой, рассказал родителям. Папа даже расстроился.

- Что же ты,- говорит, - Тумашев так хорошо к тебе относится, курсовую оценил высоко.

Я киваю в знак согласия:

- Ну, вот так случилось.

Папа был инженер-теплотехник, крупный специалист в своей области. Он боялся, что у Нужиного не будет времени на консультации. Но опасения оказались напрасными. Михаил Тихонович очень тщательно относился к консультациям, к любой нашей встрече.

Вот так началось наше общение.

Кандидатскую я написал в срок. Собрались на банкет по поводу защиты, тогда это было принято. В начале застолья я немножко даже вёл его.

- А сейчас, - объявляю, - слово предоставляется моему первому учителю по математике.

И тут встают Михаил Тихонович с бокалом и ещё один гость.

- Михаил Тихонович, извините, это мой школьный учитель по математике.

Нужин немного засмутился, а потом говорит:

- Сколько я бывал на банкетах, впервые вижу, чтобы соискатель, защитивший кандидатскую, приглашал своего школьного учителя.

Он оценил моё внимание к школьному педагогу.

Михаил Тихонович любил проводить консультации дома, вечером, в спокойной обстановке. Я написал первую работу на двадцати пяти страницах, предложил метод решения задачи, отличный от метода Нужиного. А чтобы показать, что я во всём разобрался тщательно, работу Михаила Тихоновича по пунктам раскритиковал, и всё это дал ему на проверку. Через несколько дней Нужин меня пригласил:

- Николай Борисович, если бы не было работ ваших предшественников? - он имел в виду себя и ещё нескольких учёных, - вы бы смогли написать свою работу?

- Нет, конечно, я опирался на предшественников.

- Вот, - говорит Михаил Тихонович, - и я так думаю. И надо из этого исходить.

Больше ни слова не сказал.

Когда мы открыли первую страницу моей работы, я увидел: вся она красным карандашом разрисована. Михаил Тихонович выправил в свойственном ему стиле качественно, замечательно. Я думаю: "Боже мой, у меня там ещё двадцать четыре страницы, это мы же просидим чуть не до утра". А Нужин возвратил мне работу:

- Вот в таком духе поправьте всё.

Так он воспитывал.

Дома я поделился с папой содержанием нашей беседы.

- Сукин сын, - использовал папа самое ругательное своё слово, - как же ты посмел так написать статью?

- Вот так и посмел.

А Михаил Тихонович больше никогда не упрекал. В таком духе я постарался и дальше работать.

Учась у Михаила Тихоновича, я преклонялся перед ним, дорожил его добрым отношением. Учитель Нужина Николай Николаевич Парфентьев своего ученика тоже приглашал домой, играл ему на фортепиано, рассказывал об истории, науке и прочем. Михаил Тихонович такой же был. А как можно воспитывать в студенте любовь к науке, к занятиям, если так тесно, близко с ним не общаться?

Может, сейчас время другое. Да, конечно, другое, потому что на первом месте стоят специальности, с которыми можно заработать много денег. А мы же работали... Господи, ну, получали стипендию, и всё. Иногда ходили на пристань на Волге, разгружали мешки, чтобы немножко подзаработать. А сейчас выпускник, если не видит в работе по специальности перспективы в смысле получения денег, - не зарабатывания, а именно получения, - то старается сбежать с этой специальности. В моё время такого не было.

Михаил Тихонович был мужественным человеком. Он прожил шестьдесят девять лет, из них тридцать лет болел диабетом. Болезнь обнаружил во время войны фельдшер. Нужин пришёл к нему, пожаловался на плохое состояние. Фельдшер посмотрел на Михаила Тихоновича: красиво одетый стройный молодой человек, сапоги вычищены.

- Слушай, майор, да у тебя диабет, - объявил фельдшер.

Михаил Тихонович очень удивился.

Фельдшер объяснил:

- У тебя на сапогах белые крупы сахара, под деревом или ещё где мочился (а туалетов, конечно, не было), мелкие брызги попадали на сапоги. Они высохли, и образовался этот налёт.

Потом Михаила Тихоновича проверили уже в медпункте, всё подтвердилось.

Представьте, тридцать лет с такой болезнью. Первые десять лет Нужин жил на инсулине, три укола в день. В день три укола десять лет! Можно посчитать, почти одиннадцать тысяч уколов. Второе десятилетие Михаил Тихонович делал два укола инсулина и один укол на югославских таблетках, которые сумел достать. Третье десятилетие - один укол инсулина и две таблетки югославских.

Однажды мы шли с Михаилом Тихоновичем по улице Горького в Москве, и он вдруг закачался, прислонился к стене дома:

- Николай Борисович, вытащите из кармана кусочек сахара.

Я вытащил, он взял сахар под язык, рассосал, пришёл в себя. Дошли до гостиницы, там он сделал инсулин.

А недруги привязывались и к признакам этой болезни, считали, что когда Михаил Тихонович шатается - это из-за выпивки. Нужин, конечно, не объяснял, от чего ему бывает плохо.

И с такой болезнью столько проработать!

Михаил Тихонович ценили и в университете, и в руководящих кругах. Он получал ордена, медали. Но за три месяца для большого праздника университета, 175-летия со дня его основания, чёрные силы, я так скажу, стали сгущаться над ним и добиваться того, чтобы Нужина отстранили от руководства. Добились. Михаил Тихонович написал заявление: "Прошу освободить от должности ректора по собственному желанию".

Перед этим с ним, конечно, беседы вели. И не помогло даже то, что министром высшего образования был Вячеслав Петрович Елютин, а он к Михаилу Тихоновичу относился очень хорошо.

Оглашение университету приказа об освобождении Нужина от должности ректора проходило в первой физической аудитории, причём пригласили туда не всех сотрудников университета и не всех членов учёного совета. Некоторых даже предупредили: никаких выступлений! Из Москвы приехал не Елютин, а его заместитель. Интересно, что тот самый, который оглашал приказ о его назначении двадцать пять лет тому назад, он огласил и новый приказ.

На торжественном заседании в театре Нужин сидел в президиуме в первом ряду. На нём были ордена, медали. И рядом - серость. Так было обидно за нашего ректора! Он очень тяжело переживал.

После этого Михаил Тихонович вскоре написал заявление с просьбой сохранить его в университете на должности, по-моему, профессора-консультанта на полставки. Не захотел больше занимать здесь какую-то большую должность. Лекции уже не читал, но продолжал общаться со студентами, аспирантами.

Не так давно в день смерти Михаила Тихоновича около его памятника напротив университета собрались некоторые высокопоставленные проректоры, пришёл ректор Ильшат Рафкатович Гафуров. Выступили Александр Иванович Коновалов, Юрий Геннадьевич Коноплёв. Ректор предложил возложить цветы. Я сказал, что хочу тоже выступить, и я сказал:

- Михаил Тихонович жил по принципу, который можно в стихотворной форме изложить. Начинается стихотворение так:

Быть знаменитым некрасиво.
Не это поднимает ввысь.
Не надо заводить архива,
Над рукописями трястись.
Цель творчества - самоотдача,
А не шумиха, не успех.
Позорно, ничего не знача,
Быть притчей на устах у всех.
Но надо жить без самозванства,
Так жить, чтобы в конце концов
Привлечь к себе любовь пространства,
Услышать будущего зов.
И надо оставлять пробелы
В судьбе, а не среди бумаг,
Места и главы жизни целой
Отчётливая на полях...

Это Пастернак. Я прочитал стихотворение и сказал, что Михаил Тихонович жил по такому принципу.

Я был на озере Яльчик на турбазе с женой и с дочкой. Приехал мой ученик:

- Скончался Михаил Тихонович, вас просят срочно приехать в университет.

Я приехал.

Новый ректор, Александр Иванович Коновалов, надо отдать ему должное, сделал всё, чтобы организовать достойные похороны. Тогда Арское кладбище было закрыто для погребений, его одно время решили вообще уничтожить и сделать там парк или ещё что-то.

Коновалов говорит:

- Вот, Николай Борисович, на Арском не разрешают хоронить.

- А где? - спрашиваю.

- На Самосыровском.

Я возмутился:

- Александр Иванович, надо добиваться!

Кто может решить этот вопрос? Хасанов, зампреда Совета Министров.

Коновалов позвонил Хасанову, стал настаивать. Тот ответил:

- Этот вопрос можно решить только на заседании Правительства Татарстана.

Александр Иванович ещё что-то говорил, потом положил трубку:

- Николай Борисович, давайте поедem вместе к Хасанову.

У Хасанова я произнёс речь, возможно, более сильную, чем "Быть знаменитым некрасиво?". К Мансуру Хасановичу обращался "Миша", ведь мы учились с ним на одном курсе.

- Как не стыдно, - говорю, - сам кончал университет! Учился при Нужине, всего достиг...

В общем, вечером уже Хасанов позвонил: разрешение получено. Пошли выбирать место. Предлагали разные места, в конце концов остановились на пересечении главной и седьмой аллей. Там стоял когда-то старый склеп, от него уже не осталось ничего, только кирпичи.

Похороны были грандиозные, толпа растянулась от университета до улицы Лобачевского.

На следующий день я пришёл на могилу Михаила Тихоновича, чтобы по возможности навести порядок. Отошёл в сторону буквально на три метра, смотрю, батюшки мои! памятник Николаю Николаевичу Парфентьеву, учителю Нужина.

Вот так судьба свела их в загробном мире, получается.

Источник информации: Николай Ильинский, д.ф.-м. наук, Заслуженный деятель РФ и РТ,
профессор